

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY

УДК 028.02

М. Д. Алексеевский

Центр городской антропологии КБ «Стрелка», г. Москва

ДОМАШНИЕ БИБЛИОТЕКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАКТИКИ ХРАНЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРОЧИТАННЫХ КНИГ

Статья посвящена современным практикам собирания, хранения и систематизации книг в домашних библиотеках. Формирование семейных домашних библиотек получило широкое распространение в СССР со второй половины 1970-х гг., в настоящее время, по данным опросов крупных социологических служб, около 75–80 % жителей России имеют дома книжные собрания. Материалы фокус-групп и глубинных интервью, проведенных в декабре 2013 г. в населенных пунктах различного размера (мегаполис — Москва; областной центр — Калуга; рабочий поселок — Березайка Бологовского района Тверской области), позволяют описать и проанализировать основные принципы систематизации и хранения книг в домашних библиотеках у представителей различных социальных слоев, а также рассмотреть используемые стратегии избавления от ненужных книг в условиях, когда уничтожение или выбрасывание книги воспринимается в обществе как культурное табу.

Ключевые слова: чтение, книга, домашняя библиотека, книжное собрание, антропология чтения.

Исследование выполнено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом общественного проектирования по итогам VI Конкурса «Проблемы развития современного общества» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 03 мая 2012 года № 216-рп.

В дореволюционной России и в Советском Союзе наличие у семьи домашней библиотеки, особенно насчитывающей большое количество томов, вплоть до середины 1970-х гг. служило важным маркером ее социального статуса. Формирование собственной книжной коллекции, с одной стороны, требовало определенных денежных расходов, которые мог себе позволить не каждый; с другой стороны, богатая семейная библиотека свидетельствовала об образованности и повышенных культурных запросах ее владельцев, становясь отличительной приметой представителей интеллигенции. Предполагалось, что потребности подавляющего большинства грамотного населения, увлекающегося чтением, должна полностью удовлетворять библиотечная система, в то время как обладание собственной коллекцией книг является уделом избранных.

Во второй половине 1970-х гг. и особенно в 1980-е гг. ситуация резко меняется: форми-

вание домашних библиотек становится широко распространенной практикой, причем не только среди горожан, но и среди жителей села. Так, скажем, в городах Эстонской ССР в 1977 г., по данным опроса, последняя прочитанная книга в 58 % случаев была взята из личной библиотеки, 24 % — у друзей и знакомых и лишь в 18 % — из общественной; на селе соответственно 55 %, 15 %, 30 % [24, с. 69–70]. По данным всесоюзного комплексного исследования «Место личных собраний в системе обслуживания населения книгами», проведенного в 1983–1985 гг., 94 % опрошенных семей имели в доме книжные собрания, причем около 70 % домашних библиотек, имеющихся на тот момент в стране, были собраны в 1970-е – начале 1980-х гг. [20, с. 51, 54].

Происходивший в последние два десятилетия советской эпохи настоящий бум создания домашних библиотек привел, с одной стороны, к повышению их роли в обеспечении населения книгами, с другой стороны — к возникновению «дефицита» на книжном рынке [4, с. 22]. При этом наличие домашней библиотеки в семье зачастую продолжало восприниматься обществом

как показатель определенного социального статуса. М. Д. Смородинская, анализирувшая отношение к домашним библиотекам в 1980-е гг., отмечала существование небольшой, но устойчивой группы идейных противников домашних библиотек, недовольных тем, что книги превращаются в объект символического «статусного» потребления, и фиксировала «достаточно устойчивое представление о фондах большинства домашних библиотек как о «мертвом грузе» малоиспользуемых либо совсем неиспользуемых книг» [20, с. 73].

Стремительно растущее социокультурное значение домашних библиотек вызвало повышенный интерес ученых к этому явлению [7; 18; 22], наиболее масштабной работой в этом направлении стало уже упомянутое всесоюзное исследование, проведенное в середине 1980-х гг. и зафиксировавшее пик позднесоветского книжного бума [20]. Наибольшее внимание социологов привлекали следующие аспекты темы: распространенность домашних библиотек в различных социальных группах, количество книг в этих собраниях, принципы их комплектования, состав домашних библиотек, использование их в повседневной жизни. Новаторской для своего времени стала статья социолога Б. В. Дубина «Книга и дом: к социологии книгособирательства», написанная в середине 1980-х гг., но опубликованная лишь в 1993 г., где была предпринята попытка определить, как характеристики домашних книжных собраний (открытость/замкнутость, способы временной организации, печатные и изобразительные особенности самих книг) позволяют реконструировать социальный портрет их владельцев [5].

Описанные в предыдущих главах фундаментальные трансформации книжного рынка и существенное изменение читательских практик, которые произошли в 1990–2000-е гг., оказали определенное влияние на ситуацию с домашними библиотеками. К сожалению, несмотря на то, что некоторые исследователи утверждают, что в последние годы можно говорить о резком росте научного интереса к этой теме [9, с. 10], крупных социологических работ, посвященных современным домашним библиотекам, с начала 1990-х гг. не появлялось. Подавляющее большинство новых работ по этой теме имеют теоретический характер и написаны специалистами по библиотечному делу, а не социологами [1; 9; 10; 11; 13; 14; 16; 21; 23].

Впрочем, в ряде работ приводятся данные региональных социологических опросов, позволяющие оценить, насколько распространены домашние библиотеки в современном российском обществе. Так, по данным опроса, проведенного в 2007 г. среди жителей Хакасии (выборка: 500 респондентов; половина — читатели библиотек, половина — случайные жители), домашнюю библиотеку имеют 81 % опрошенных респондентов, причем большинство из них (51,5 % от общей выборки) имеют дома не более 100 книг; характерно, что именно эти люди являются наиболее активными пользователями общественных библиотек [2, с. 32]. Опрос, проведенный в середине 2000-х гг. в различных районах Нижегородской области (выборка: 560 респондентов; более 80 % выборки — читатели государственных библиотек), показал, что 83,5 % опрошенных имеют домашние библиотеки [17, с. 30]. Кроме того, следует отметить небольшую, но весьма ценную статью О. В. Сергеевой, которая в 2007 г. проводила исследование домашних библиотек жителей Волгограда с использованием качественных методов социологии. Опросив 17 семей, отобранных по методике «снежного кома», автор выделила три типовые ситуации: «книги в доме — часть жизни семьи», «книги в доме есть», «дом без книг»; отметила роль семейных традиций чтения и покупки книг, а также обратила внимание на то, что в той социальной среде, где покупка книг не наносит серьезного урона семейному бюджету, книги перестают восприниматься «как элемент престижного стиля жизни» [19, с. 89].

Скупую информацию о том, как меняется ситуация с домашними библиотеками в последние годы, можно получить и из результатов опросов крупнейших социологических служб. К сожалению, в большинстве подобных опросов количество вопросов, посвященных теме, невелико, однако результаты этих исследований позволяют понять, какие изменения происходят по стране в целом. Так, Б. В. Дубин и Н. А. Зоркая, используя материалы опросов «Левада-центра» с 1995 г. по 2008 г., анализируют, как менялось с годами количество опрошенных, владеющих большими домашними библиотеками (свыше 100 книг): «Со второй половины 1990-х до начала 2000-х гг. количество таких домашних библиотек уменьшалось, они расплылись и т. п. Однако за последние три-четыре года ситуация начала улучшаться, и количество подобных библиотек сравнялось с показателями 1996 г., произошло

примерное восстановление тогдашнего уровня» [6, с. 55]. По данным «Левада-центра», количество людей, вообще не имеющих дома книг, резко выросло на рубеже 1990–2000-х гг., однако затем снова сократилось (1996 — 24 %, 1998 — 32 %, 2000 — 34 %, 2008 — 24 %); таким образом, к концу 2000-х гг. более 75 % россиян имели собственные домашние библиотеки.

Материалы опросов ВЦИОМ дают похожую, но чуть более оптимистичную картину. Согласно этим данным, количество людей, совсем не имеющих дома книги, имеет тенденцию к сокращению (1990 — 23 %; 1995 — 19 %; 2011 — 18 %); однако при этом заметно выросло число тех, у кого в домашней библиотеке не более 100 книг (с 28 % в 1990 г. до 49 % в 2011 г.) [25]. Таким образом, можно говорить о том, что данные опросов социологических служб в целом свидетельствуют о том, что в последние десятилетия количество семей, имеющих домашние библиотеки, оставалось достаточно стабильным: около 75–80 % россиян продолжают хранить дома книги, однако более распространенной оказывается практика обладания сравнительно небольшим количеством книг. Собираение крупных книжных собраний остается уделом интеллигенции, в то время как большинство из тех, кто совсем не хранит дома книги или имеет небольшую библиотеку, это «наименее образованные и обеспеченные россияне, жители села» [6, с. 57]; «респонденты со средним специальным образованием и селяне» [25].

В декабре 2013 г. исследовательской группой, возглавляемой автором статьи, была проведена серия фокус-групп и глубинных интервью в рамках проекта «100 книг, которые должен прочесть каждый», выполняемого по заказу Автономной некоммерческой организации «Центр прикладных исследований и программ» при поддержке государственного гранта VII Открытого Конкурса «Проблемы развития современного общества. 2013 год». Фокус-группы и глубинные интервью проводились в трех населенных пунктах разного размера: в Москве, в Калуге и в поселке Березайка Бологовского района Тверской области. В каждом населенном пункте проводилось 4 фокус-группы, участники которых отбирались по возрасту и уровню образования: до 40 лет с высшим образованием; до 40 лет без высшего образования; старше 40 лет с высшим образованием; старше 40 лет без высшего образования. Проведенное нами исследование, выполненное с ис-

пользованием качественных методов социологии и культурной антропологии, не имело своей целью всестороннее исследование функционирования домашних библиотек в современной России, однако ряд вопросов из опросника для фокус-групп был посвящен повседневным практикам хранения и систематизации хранящихся дома книг. Собранные таким образом сведения позволяют выявить ряд интересных тенденций, связанных с тем, как устроены домашние библиотеки жителей поселка (Березайка), крупного города (Калуга) и мегаполиса (Москва).

Анализируя принципы пространственной организации частных книжных собраний, Б. В. Дубин выделял два основных типа «книгособирательского поведения». Для первого типа характерно «жестко поляризованное домашнее пространство», где выделяется «функциональная «книжная зона» — собрание символов «высокой», городской печатной культуры с замкнуто иерархическим внутренним устройством, нередко дублируемым самодельным каталогом»; домашние библиотеки второго типа представляют собой книжный «хаос», разобраться в котором может лишь составитель книжной коллекции [5, с. 21–22]. Материалы фокус-групп показывают, что жесткая иерархическая организация домашней библиотеки встречается сравнительно редко, являясь уделом книголюбов с высшим образованием, живущих в городе. Среди участников фокус-групп в Березайке не нашлось ни одного человека, кто бы уделял повышенное внимание систематизации домашней библиотеки, в то время как в фокус-группах с высшим образованием из Калуги и Москвы обнаруживались и те, кто относился к этой теме очень серьезно и даже составлял электронный каталог собственной библиотеки: «У меня для всех моих книг, которые есть, есть отдельный стеллаж, специально делали. Я прямо хотела, как в библиотеке, от пола и до потолка. И у меня систематизация. У меня есть список по фамилиям, по всем книгам полностью. Я его сама делала, все перебирала книги. В электронном виде, все, все, прямо по алфавиту сделала, потому что книг много. И так по полкам тоже старалась расставлять» [Калуга, жен., 26 лет].

Выбирая принципы, по которым будут систематизированы книги из домашней библиотеки, многие информанты сталкиваются с дилеммой: расставлять книги по жанрам/тематике или по авторам. Те, кто уделяет повышенное внимание

систематизации своей книжной коллекции, пытаются совмещать эти две стратегии: в целом группируя книги по жанрам, они пытаются разные книги одного автора ставить на полке рядом. В целом же предпочтение отдается принципу систематизации по жанрам/темам как более простому, но функционально удобному. Вполне предсказуемо проблема систематизации домашней библиотеки оказывается более актуальной для тех, кто обладает большим книжным собранием, в котором бывает непросто найти нужную книгу. Иногда участники фокус-групп сравнивали свои коллекции и домашние библиотеки своих родственников, объясняя, почему они выбрали тот или иной способ систематизации книг: «У родителей все книги у нас были мною систематизированы по авторам. Велась тетрадка, потому что библиотека большая и трудно было найти что-то нужное в нужный момент. А <сейчас у меня> дома библиотека не очень большая, ввиду отсутствия места и ввиду того, что вот так томами классика не стоит, как, например, у родителей. Поэтому книги... не могу сказать, что они как-то систематизированы. Знаю, что специфическая литература, там именно дизайнерская, художественная, книги по искусству, они вот у меня отдельно. А вся остальная литература вразнобой» [Калуга, жен., 24 года].

Хотя идея жесткой иерархии при систематизации книжных собраний оказывается актуальна только для высокообразованных городских жителей с большими домашними библиотеками, простое распределение книг по полкам в соответствии с их жанром/тематикой осуществляется и представителями других социальных групп. Наиболее часто обособляются на отдельные полки детские книги и литература по специальности. И в том, и в другом случае эти собрания воспринимаются как своего рода «библиотека в библиотеке»; такие коллекции книг обладают самостоятельной ценностью для владельцев, а их использование отличается от использования других книг в домашней библиотеке: «У меня, как говорится, и по работе своя есть библиотечка, у нас книги там начиная с 1962 года. Хотя считают, что эти книги устарелые, но мы говорим, что нет. В этих книгах написано более понятно, доступнее, как говорится» [Березайка, жен., 49 лет]. В тех случаях, когда у владельца библиотеки есть какие-то хобби или жанровые пристрастия, книги по этой тематике также могут обособляться: «Как-то вот отдельно северная тема. Я очень

долго жил на Дальнем Востоке. Северная тема отдельно, фантастика отдельно. История, сказки у меня есть. Внукам буду читать, подрастут чуть-чуть. По специальности у меня три квадратных метра стеллажа забито. Так что все более-менее распихано по своим углам» [Березайка, муж., 51 год].

Хотя, как правило, домашние библиотеки воспринимаются как принадлежащие всей семье, причем основой «общего достояния» обычно видится коллекция классической литературы, в некоторых случаях отдельные члены семьи составляют собственные собрания «книг по интересам». Обычно такие книги обособлены от основной коллекции и хранятся на отдельных полках: «У меня в комнате одна личная полка, где я храню те книги, которые я читаю, перечитываю, люблю и которые мне нужны» [Москва, жен., 20 лет]. В редких случаях каждый из членов семьи имеет свою собственную библиотеку, причем между ними может даже происходить обмен книгами: «У каждого своя полка с книжками. У дочки своя полка, у меня своя полка, у жены своя» [Березайка, муж., 44 года]; «В двух комнатах стенки забиты книгами. У мужа своя литература, у меня своя литература. Периодически обмениваемся тем, что понравилось. <...> У нас интересы немножко разные. Он работает сварщиком, у него много специальной литературы. У меня много своей литературы» [Калуга, жен., 57 лет].

В каждом из населенных пунктов, где прошли фокус-группы, среди опрошенных женщин находились те, кто говорил о том, что использует еще один принцип систематизации домашней библиотеки: по размеру книг. Мотивироваться это может как эстетическими причинами (стоящие рядом книги одинакового размера «лучше смотрятся»), так и сугубо функционально (размер книг подбирается под размер книжных полок): «Как-то так получилось, что бумажных книг у нас не так уж много, и систематизирую я их исключительно по размеру, чтобы они компактнее в полочку влезали» [Москва, жен., 33 года]; «Они у меня так структурированы — по размерчику стоят» [Березайка, жен., 40 лет]. Стремление организовать свою домашнюю библиотеку так, чтобы книги красиво и функционально стояли на полках, свидетельствует о том, что шкафы и полки с книгами рассматриваются в прагматическом аспекте и как предметы домашнего интерьера. Для хорошей хозяйки важно,

чтобы в доме был порядок, и в этом плане «красивая» расстановка книг на полках является одним из составных элементов общей стратегии благоустройства жилища. Мужчины также могут уделять внимание «правильной» расстановке книг на полках, однако для них более важен не эстетический, а содержательный аспект; один из московских информантов указал, что для него важно, какие книги будут стоять на полках, наиболее доступных для обозрения гостями дома; таким образом, размещение в квартире «правильных» книг на видных местах является для него компонентом социокультурной саморепрезентации: «Систематизирую по полкам, там есть несколько категорий, то есть тема, степень важности и достойность, в том числе, на фоне каких книжек мне бы хотелось фигурировать, когда ко мне приходят гости» [Москва, муж., 35 лет]. В этом смысле тезис Б. В. Дубина о том, что по тому, как устроена домашняя библиотека, можно реконструировать социальный портрет ее владельца, оказывается актуален и для самих информантов.

Еще одной из стратегий распределения книг на полках становится их иерархия по принципу востребованности. Те книги, которые чаще нужны, ставятся на нижние полки, чтобы их легко можно было достать, в то время как менее востребованные книги ставятся выше. Так, например, молодая москвичка, которая профессионально занимается дизайном, старается иметь под рукой книги по профессии, поэтому ставит их на нижние полки своего шкафа: «Книги сортируются по полкам. То есть то, что выше, мне меньше нужно. То, что ниже, это литература по профессии, про художников, про костюмы и так далее, потом идет художественная литература. Потом классика, потом фантастика. Выше уже всякая белиберда, которая раньше нравилась» [Москва, жен., 20 лет]. Кроме того, во глубоких книжных шкафах ненужные книги могут ставиться вторым или третьим рядом, так что доступ к ним затруднен: «Если книга как-то не очень, не привлекла, я просто ставлю подальше: там на вторую полку, на третью» [Калуга, муж., 48 лет]. Наконец, в удаленные места могут специально убираться книги со «взрослым» содержанием, которые таким образом прячут от детей: «Сейчас появилась категория «До 16 и старше». Дети растут, поэтому пришлось некоторую литературу убирать в малодоступные места, что несколько нарушило общую концепцию, к сожалению» [Москва, муж., 35 лет].

Хотя систематизация домашней библиотеки, пусть и в самой примитивной форме, актуальна для подавляющего большинства опрошенных, в каждом из населенных пунктов находились и те, кто хранит книги, расставив их на полках в произвольном порядке. Иногда отсутствие систематизации может восприниматься как недостаток домашней библиотеки: «С книжками настоящими, честно говоря, у меня беда, потому что я их не систематизирую, на полке они стоят беспорядочно. То, что читаю, где-то рядом лежит. Систематике не подвергаю» [Москва, муж., 35 лет]. Однако чаще информанты говорят, что просто не испытывают потребности в том, чтобы систематизировать книги, из-за скромных размеров домашней библиотеки: «Просто когда не очень большая библиотека, тогда особой нет необходимости расставлять» [Березайка, жен., 44 года]; «Системы нет. Новые, которые сейчас покупаю, не систематизируются, потому что их у меня не так много. У родителей много, там все стоит по авторам. У меня сейчас личная библиотека не очень большая» [Калуга, муж., 27 лет].

Среди всех участников фокус-групп нашелся только один человек, который заявил, что у него дома нет своей библиотеки: «У меня сейчас только одна книжка, которая по каталогу заказана, дома есть. А так нет» [Березайка, муж., 43 года]. Показательно, что он относится к той социальной группе (житель сельской местности со средним специальным образованием), среди представителей которой, согласно данным опросов социологических служб, чаще встречаются те, кто не проявляет интерес к чтению и книго-собирачеству.

Выше мы говорили о принципах систематизации домашних библиотек с бумажными книгами, однако с необходимостью как-то упорядочивать свою коллекцию сталкиваются и те, кто предпочитает электронное чтение. Большинство устройств для чтения электронных книг автоматически систематизируют закачанные книги по авторам и по алфавиту, что значительно упрощает задачу. Однако многие опрошенные пользователи электронных книг вводят дополнительную систематизацию по жанрам/темам или авторам, помещая книги по отдельным папкам: «Я их <электронные книги> по папкам сразу раскладываю. Закачиваю по папкам. По жанрам. Отдельно детективы, отдельно комедия, юмор» [Березайка, муж., 61 год] «Завожу папку на имя автора, туда закидываю его книжки в хронологическом

порядке, чтобы не перепутать» [Москва, муж., 35 лет]. В целом же можно говорить о том, что для владельцев электронных книг проблема систематизации их коллекций оказывается существенно менее актуальной, чем для обладателей больших собраний бумажных книг.

Интересные результаты дал опрос на тему дальнейшей судьбы прочитанных книг из домашней библиотеки. Прежде всего, обращает на себя внимание факт практически повсеместного табу на выкидывание или уничтожение книг, даже тех, которые не понравились или не нужны: «Еще ни одну <книгу> не выкинул. Так все и лежит. Книги не выкидываю, даже журналы не выкидываю» [Березайка, муж., 41 год]; «У меня книжки стоят на полке, я их никуда не выкидываю. <...> Если бы она [книга] мне не нужна была, я бы лучше кому-нибудь ее просто отдала, но не выкинула бы» [Калуга, жен., 45 лет]; «В мусорку ни за что в жизнь не позволю себе выбросить книжку» [Москва, муж., 42 года]; «Выкидывать рука не поднимается, никакие книги, честно говоря. Или сжигать» [Москва, жен., 69 лет].

Мотивировки столь резкого неприятия выбрасывания или уничтожения книги могут различаться. Иногда это объясняется прагматическими причинами, например, нежеланием выбрасывать вещь, которая стоит денег, однако чаще говорят о том, что сама идея уничтожения книги является неприемлемой: «Мне как-то вообще жалко какую-то книжку выкинуть, потому что жалко не только деньги, но и жалко труды, которыми создавалась книжка» [Калуга, жен., 45 лет]; «Наше поколение к книгам относится с трепетом. Я не могу спокойно смотреть, когда книги рвут, мнут, жгут» [Березайка, муж., 56 лет]; «Мне сложно себе представить книгу, которую я бы выкинул в мусоропровод. Даже если это собрание сочинений Ленина. Я, в общем, против варварского обращения с книгами любого качества» [Москва, муж., 47 лет]. Можно говорить о том, что в современном российском обществе книга продолжает сохранять сакральный статус, о чем свидетельствуют эмоциональные высказывания представителей молодого поколения: «Если даже книга мне не нравится, я не могу заставить себя ее выкинуть, мне кажется это кощунством, богохульством» [Москва, жен., 19 лет].

Традиция отношения к книге как к предмету, обладающему особой символической ценностью, имеет два основных источника. С одной стороны,

в традиционной культуре книги (как правило, церковные) устойчиво воспринимались как сакральный объект, требующий особого к себе отношения [14; 15]; в частности, существовали запреты выбрасывать старые книги, их следовало уничтожать особым (ритуальным) образом, например, пускать по воде. С другой стороны, особое отношение к книге культивировалось и в советской культуре: в советской системе образования большое внимание уделялось формированию «бережного отношения к книгам», а уничтожение книг резко осуждалось (в советских учебниках истории рассказывалось о массовом сжигании книг в фашистской Германии; большой популярностью у советской интеллигенции пользовался роман-антиутопия американского фантаста Рэя Брэбери «451 градус по Фаренгейту», где описывалось тоталитарное общество, уничтожающее книги).

В ситуации, когда выбрасывание или уничтожение книг воспринимается как социальное табу, особое значение приобретает демонстративное нарушение этого правила. В некоторых случаях информанты говорят о готовности специально уничтожить те книги, которые им очень сильно не нравятся: «Если бы <у меня дома> был детектив, я бы его сжег, потому что этот жанр я не переносу» [Калуга, муж., 20 лет]; «По поводу выкинуть книгу. Было у меня такое только один раз. Вообще ужасно не понравился мне автор стихов, наш, калужский. Вообще просто, и содержание, и направление. Меня просто затрясло, я просто в помойку и все. Один единственный раз» [Калуга, жен., 24 года].

Из-за существующего в обществе строгого запрета на выбрасывание или уничтожение книг многие из опрошенных сталкиваются с тем, что хотят избавиться от части своей библиотеки, но не знают, как это сделать. Выходом из этой сложной ситуации становится перемещение ненужных книг в условия, где они начинают портиться. После того, как книги потеряли свой вид, избавление от них перестает быть проблемой: «Бумажные книги, те, которые, в общем-то, душевные, они лежат на полке. Те, которые не душевные, должны, прежде чем выбросить, отлежаться в гараже лет пять. И потом, когда они там уже сгниют, их выбрасываешь. То есть раньше, конечно, это в макулатуру там мы сдавали. А сейчас они отлежались в гараже, там сгнили, и пришло время их выкинуть. Теперь уже можно с чистой совестью их выбрасывать» [Калуга, муж.,

54 года]; «У меня как-то чисто психологически выкинуть книгу, даже если она вполне себе этого достойна, не получается. И я использую такое наказание — «на балконе». То есть на балконе у меня стоит книжный шкаф, конечно, застекленный балкон. То есть какая-то промежуточная история» [Москва, жен., 35 лет].

Менее экзотичной и более распространенной стратегией избавления от ненужных книжек становится передача их другим людям. Некоторые отдают ненужные книги родственникам и знакомым, однако более популярны практики специально оставлять книги в тех местах, где их может забрать любой желающий. Интересно, что в каждом типе населенного пункта можно выявить свое излюбленное место, где осуществляется такого рода «буккроссинг». В поселке Березайка предпочитают относить ненужные книги в местную или в районную библиотеки, где могут либо принять эти книги в дар, либо положить их туда, где их может забрать любой читатель: «В библиотеке в Бологое есть такое место. Не нужна тебе эта книжка, пришел, положил туда. В центральной библиотеке. Мне сын один раз показал. Если книга не устраивает, зачем ее выкидывать? Я туда иду, а потом кто-то приходит, понравилась, они ее заберут» [Березайка, муж., 44 года]. Посетители библиотеки могут забирать не только книги, оставленные другими читателями, но и те издания, которые сами библиотечные работники списывают из своих фондов: «По большей части даже подбираем все, что выкидывается, скажем так. Потому что сколько раз бывало, Саша <муж> тащит с Бологоро, с библиотеки, когда ездит: «Вот это списали». И два таких тюка прет» [Березайка, жен., 54 года].

В Калуге также в библиотеках выделяются места, где читатели могут оставлять ненужные им книги, однако в последние два года большой популярностью пользуются специальные «уличные библиотеки», небольшие книжные шкафчики, похожие на скворечники, которые по распоряжению местных властей устанавливаются в различных частях города. Любой желающий может оставить там ненужные книги ли, напротив, забрать понравившуюся книгу себе домой. Одна из информанток рассказала о том, что ее муж специально подбирает оставленные на помойках старые книги, а затем сортирует их и раскладывает по уличным библиотекам: «Мы еще забыли сказать об уличных библиотеках. На помойку очень много выносят книг, но аккуратно складывают.

Мой муж — любитель, собирает все это, приносит домой. Мы разбираем по темам, и он их носит в уличные библиотечки. Оттуда он забирает то, что я люблю и мне интересно» [Калуга, жен., 54 года].

Москвичи практически не пользуются районными библиотеками, а система уличных библиотек не получила здесь широкого развития. Зато проживание в многоквартирных домах дает возможность осуществлять «буккроссинг» в пределах родного подъезда, именно здесь, на первом этаже рядом с лифтом, многие жители оставляют на специальных столах ненужные книги, рассчитывая, что их заберет кто-то из соседей: «У нас в доме стоит на первом этаже стол. И все жители, кому что не нравится <из книг>, складывают туда. И другие приходят, забирают, читают. Либо оставляют себе, либо приносят назад» [Москва, жен., 19 лет]; «У меня напротив уголка консьержа есть столик. И туда все соседи кладут все ненужные книги. Я тоже туда кладу ненужную мне книгу, но вместе с тем я нахожу там какую-нибудь абсолютно потрясающую книгу, которая не нужна другому» [Москва, жен., 32 года].

Идея забирать оставленные кем-то или выкинутые книги может распространяться не только на специальные площадки для книгообмена. Некоторые информанты говорят о том, что подбирают даже те книги, которые были выброшены на помойку, хотя в целом забирать вещи оттуда считается неприличным: «Вы знаете, я однажды была в шоке, когда выбросили полное собрание сочинений на помойку. Я не постеснялась, все это собрала (там был Пушкин, Достоевский). У меня были такие глаза, что я даже не вспомнила, что у нас дома лифт, и всю эту охапку тащила на четвертый этаж. Пришла и говорю: «Слушай, люди обезумели — выкидывают Пушкина. Что будет дальше, я не знаю». У нас четыре дома смотрят на эту помойку. Я думаю, не очень красиво было, но я схватила эти книги» [Калуга, жен., 57 лет]. Такое поведение свидетельствует о том, что книги продолжают иметь большой символический статус в современном российском обществе; показательно, что в данном случае наибольшее возмущение информанта вызывает тот факт, что на помойку попали произведения русских классиков, причем в наиболее ценном формате — полное собрание сочинений.

Следует отметить, что подобным «сакральным» статусом обладают исключительно бумажные книги. Скачиваемые электронные книги не имеют материального воплощения и не обла-

дают особой символической ценностью; кроме того, пользователи уверены, что в любой момент могут скачать эту книгу заново, поэтому спокойно стирают ее после прочтения, сохраняя лишь самые любимые книги: «Прочитал и тут же стер, <если> что-то не понравилось. Больше, конечно, закрыл и стер. То есть оставляешь очень редко» [Калуга, муж., 54 года]. Впрочем, большой объем памяти на жестком диске позволяет при желании сохранять все прочитанные книги: «Есть сохраненные <электронные книги> некоторые. Лежат просто в папочке «Книги». Не удаляю, время пройдет какое-то, что-то мне понравится больше, я их удалю. Я уже год примерно не стираю. У меня флешка, памяти еще достаточно. Хотя уже прочитано, я не удаляю» [Березайка, муж., 41 год]. В любом случае удаление электронных книг никогда не становится предметом мучительных рефлексий, как это происходит при необходимости избавиться от бумажных книг.

Подводя итоги, можно отметить, что традиция иметь домашние библиотеки, получившая широкое распространение в 1970–1980-е гг., продолжает оставаться актуальной для подавляющего большинства опрошенных. Обладание коллекцией книг, пусть и небольшого объема, остается культурной нормой, совсем не хранят дома книги лишь отдельные представители сельского населения со средним специальным образованием. При систематизации книг наибольшее значение имеет их жанр и тематика, также значение имеет степень востребованности книги. В то же время книжные шкафы и полки могут восприниматься и как элемент домашнего интерьера, а набор книжных корешков на видных местах может использоваться для самопрезентации личности владельца коллекции.

Книги в российском обществе продолжают иметь высокий символический статус, а их выкидывание или уничтожение рассматривается как социальное табу. В случае, если избавиться от ненужных книг все же необходимо, используются различные механизмы обхода запрета. Наибольшей популярностью пользуется распространение книг через специальные площадки для «буккроссинга»: для каждого типа населенного пункта существуют свои предпочитаемые типы подобных площадок (общественные библиотеки, уличные библиотеки, столики в подъездах), однако принцип действия у них один — предполагается, что книги, ненужные старому владельцу, должен забрать домой тот, кого они больше интересуют. При этом вся подобная деятельность является полностью безвозмездной; букинисти-

ческие магазины, активно использовавшиеся для распространения старых книг, утратили свою популярность.

1. Голубева Н. Л. Институт семейного чтения: исторические предпосылки и перспективы развития // Школьная библиотека. 2010. № 6/7. С. 101–108.
2. Губанова С. И. Книга, чтение, библиотека в Вашей жизни (по итогам исследования) // Библиосфера. 2009. № 3. С. 29–34.
3. Добрынина Н. Что читают далеко от Москвы: Проблемы домашних библиотек // В мире книг. 1980. № 10. С. 69–70.
4. Добрынина Н. Е. Рейтблат А. И. Состояние чтения в 70–80 гг. Статистико-социологический обзор // Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990. С. 14–25.
5. Дубин Б. В. Книга и Дом (К социологии книгособираательства) // Что мы читаем? Какие мы?: Сборник научных трудов. СПб., 1993. С. 16–37.
6. Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы. М., 2008.
7. Зоркая П., Дубин Б., Шведов С. Семейный портрет в книжном интерьере // В мире книг. 1986. № 7. С. 66–68.
8. Ильина О. Н. Личная библиотека как гипертекст культуры // Библиофил: люди, рукописи, книги. 2004. Вып. 1 (8). С. 8–15.
9. Ильина О. Н. О некоторых направлениях развития личных библиотек в современной России // Печать и слово Санкт-Петербурга: сборник научных трудов. Ч. 1. Книжное дело. Культурология. СПб., 2009. С. 93–100.
10. Ильина О. Н. О междисциплинарном подходе к изучению личных библиотек // История библиотек: сборник научных трудов. СПб., 2010. Вып. 8. С. 32–46.
11. Колосова Е. А. Эволюция практики семейного чтения в России: идеалы прошлого и настоящего // Интеллигенция и идеалы российского общества: сборник статей по материалам XI Международной научно-методологической конференции, 31 марта 2010 г. М., 2010. С. 655–660.
12. Масевич В. В. Об основных тенденциях развития личных библиотек // Книжное дело. 1994. № 5. С. 39–41.
13. Мелентьева Ю. П. Личная библиотека как предмет библиотечного и книговедческого изучения: точки пересечения и расхождения // Эволюция современной библиотеки и науки о ней. М., 2001. С. 332–337.
14. Мельникова Е. А. «Воображаемая книга»: история фольклора о книгах и чтении в России. СПб., 2011.
15. Мороз А. Б. К семантике слова «книга» в народной культуре: Книга как сакральный предмет // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 267–276.
16. Павлова А. С. Методика изучения семейного чтения // Библиосфера. 2007. № 2. С. 28–31.
17. Пальгуева Г. Читательский портрет семьи в зеркале социологии: По итогам одного исследования // Библиотека. 2008. № 4. С. 27–34.
18. Рейтблат А. И. Библиотека «для себя» и библиотека «для всех»: сходства и различия // Что мы читаем? Какие мы?: Сборник научных трудов. СПб., 1993. С. 38–52.
19. Сергеева О. В. Домашняя библиотека и чтение: социальные практики в современной городской семье // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7.: Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 1. С. 86–89.

20. *Сморodinская М. Д.* Домашняя библиотека 80-х гг. // Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990. С. 50–79.
21. *Тамарова О. Ю.* Личная библиотека и ее место в библиотечно-информационном пространстве // Книжная культура Ярославского края – 2012: сборник статей и материалов. Ярославль, 2013. С. 81–90.
22. *Терешин В. И.* Личная и общественная библиотеки: проблема соотношения и использования // Советское библиотечноеведение. 1979. № 5. С. 71–84.
23. *Терешин В. И.* Личная библиотека как научная проблема библиотечноговедения // Библиотечноеведение: вчера, сегодня, завтра: тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996. С. 33–35.
24. *Хансен Х.* Домашние библиотеки в городе и в деревне // Город как среда жизнедеятельности человека. Вып. 2. Вильнюс, 1981. С. 68–70.
25. ВЦИОМ: Книги, которые мы читаем... и не читаем [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1780. 2011. 17 июня. <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111694>>
1. *Golubeva N. L.* Institute of Family Reading: historical background and development prospects // School Library. 2010. № 6/7, pp. 101–108.
2. *Gubanova S. I.* Books, reading, library in your life (of the study) // Bibliosphere. 2009. № 3, pp. 29–34.
3. *Dobrynina N.* What reading far from Moscow: Problems of home libraries // In the world of books. 1980. № 10, pp. 69–70.
4. *Dobrynina N. E. Reytblat A. I.* Status reading 70–80. Statistical and sociological overview // Books and reading in the mirror of sociology. М., 1990, pp. 14–25.
5. *Dubin B. V.* Book and House (sociology bookcollecting) // What do we read? What are we?: Collection of scientific works. SPb., 1993, pp. 16–37.
6. *Dubin B. V., Zorkaya N. A.* Reading in Russia – 2008. Trends and Issues. Moscow, 2008.
7. *Zorkaya P., Dubin B., Shvedov S.* Family portrait in the interior of the book // In the world of books. 1986. № 7, pp. 66–68.
8. *Ilyina O. N.* Personal library as hypertext culture // Bibliophile: people, manuscripts, books. 2004. Vol. 1 (8), pp. 8–15.
9. *Ilyina O. N.* Some trends of private libraries in modern Russia // Print the word of St. Petersburg: collection of scientific papers. SPb., 2009. Part 1. Book Publishing. Cultural Studies, pp. 93–100.
10. *Ilyina O. N.* On an interdisciplinary approach to the study of private libraries // History Library: collection of scientific papers. SPb., 2010. Vol. 8, pp. 32–46.
11. *Kolosova E. A.* Evolution practices of family reading in Russia: the ideals of the past and present // Intellectuals and the ideals of the Russian society: a collection of articles based on the XI International scientific and methodological conference, March 31, 2010, Moscow, 2010, pp. 655–660.
12. *Masevich V. V.* On the main trends in the development of personal libraries // Book Publishing. 1994. № 5, pp. 39–41.
13. *Melentyeva Y. P.* Personal library as a subject of librarianship and bibliographic study: the point of intersection and divergence // Evolution of modern library and the science of it. М., 2001, pp. 332–337.
14. *Melnikova E. A.* “Imaginary Book”: the history of folklore about books and reading in Russian. SPb., 2011.
15. *Moroz A. B.* By the semantics of the word “book” in popular culture: The book as a sacred object // Dreams Virgin. Research on the anthropology of religion. SPb., 2006, pp. 267–276.
16. *Pavlova A. S.* Method for studying family reading // Bibliosphere. 2007. № 2, pp. 28–31.
17. *Palgueva G.* Reader family portrait in a mirror of sociology: According to the results of one study // Library. 2008. № 4, pp. 27–34.
18. *Reytblat A. I.* Library “for himself” and the library “for all”: similarities and differences // What do we read? What are we?: Collection of scientific works. SPb., 1993, pp. 38–52.
19. *Sergeeva O. V.* Home library and reading: social practices in modern urban family // Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7.: Philosophy. Sociology and Social Technologies. 2008. № 1, pp 86–89.
20. *Smorodinskaya M. D.* Home Library 80s. // Books and reading in the mirror of sociology. М., 1990, pp. 50–79.
21. *Tamarova O. Y.* Personal library and its place in the library and information space // Book Culture Yaroslavl region – 2012: a collection of articles and materials. Yaroslavl, 2013, pp. 81–90.
22. *Tereshin V. I.* Personal and public libraries: the problem of correlation and use // Soviet library science. 1979. № 5, pp. 71–84.
23. *Tereshin V. I.* Personal library as a scientific problem // Library Library: Yesterday, Today and Tomorrow: abstracts and communications conference. М., 1996, pp. 33–35.
24. *Hansen H.* Home libraries in the city and in the countryside // City as a medium of human life. Vilnius, 1981, pp. 68–70.
25. ВЦИОМ: Books that we read ... and not read // ВЦИОМ. press release № 1780. 2011. 17 June. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111694>

M. D. Alekseevskiy

Center for Urban Anthropology CB “Strelka”, Moscow

**HOME LIBRARY IN MODERN RUSSIA:
STORAGE PRACTICES AND SYSTEMATIZATION OF READ BOOKS**

The article is devoted to modern practices of collecting, storing and organizing books in the home libraries. Formation of the family home library has become widespread in the USSR in the second half of the 1970 s., at present moment, according to surveys of major sociological services, about 75–80 % of Russian citizens are at home book collections. Materials of focus groups and in-depth interviews conducted in December 2013 in the settlements of various sizes (metropolis — Moscow, the regional center — Kaluga, working village - Berezayka Bologovsky Tver region), allow us to describe and analyze the basic principles of organizing and storing books home libraries in representatives of different social stratas, as well as to consider the strategies used to get rid of unwanted books in an environment where the destruction or discarding of the book is perceived by the public as a cultural taboo.

Keywords: reading, book, home library, a collection of books, reading anthropology.